

В. В. Розанов

Русский Нил

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 101
ББК 87

В. В. Розанов

Русский Нил / В. В. Розанов – М.: Книга по Требованию, 2011. – 72 с.

ISBN 978-5-4241-2890-5

Кажется, нет в русской культуре личности более парадоксальной, чем Василий Васильевич Розанов (1856—1919). За свою жизнь он написал более 30 книг, и только сейчас они начинают возвращаться к нам. Его взгляды на историю, религию, мораль, литературу, культуру настолько нетрадиционны, что долгое время имя его было в нашей стране под запретом. Отсутствие какого бы то ни было лукавства, предельная откровенность делают Розанова необычайно современным.

ISBN 978-5-4241-2890-5

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Розанов В В
Русский Нил

В. В. РОЗАНОВ
РУССКИЙ НИЛ

Подготовка текста, вступительная статья и комментарий ВИКТОРА СУКАЧА.

Однажды мне встретилась книга: "Уроженцы и деятели Владимирской губернии, получившие известность на различных поприщах общественной пользы... Собрал и дополнил А. В. Смирнов... Гор. Владимир, 1899". Верно, этот Смирнов перерыл тьму газет и журналов, выискивая имена своих земляков, собирая их "жития", чтобы для памяти потомкам и прославления земли владимирской утвердить дела и помыслы своих сородичей, запечатлеть в истории свою родину. Есть такие книги и для других губерний.

Если бы возродилась прерванная традиция составления таких словарей землячеств, то словарь Волги стал бы богатейшей энциклопедией: Карамзин. Гончаров, Языков, Радищев... И как бы далеко ни уходил человек от своего гнезда, наступает возраст, когда он неодолимо повертывает свой взор в ту сторону, откуда он вышел. "И вот почти в старости,- пишет Розанов,- мне захотелось пережить "опять на родине", пережить этот трогательный сюжет многих русских поэтов".

Он, однако, вышел не с берегов Волги. Розанов родился в дальнем углу лесного костромского края - Ветлуге. В этот уезд с молодой женой пришел письмоводителем его отец, Василий Федорович, не захотевший продолжить дело своего родителя - сельского священника. Он умер молодым, тридцатидевятилетним человеком, оставив сиротами восемь малолетних детей, после чего вдова его возвратилась в родной город - Кострому. Случилось это в 1861 году, когда Васе Розанову было около пяти лет. Розановых тут ожидала полунимета, а детей полное сиротство. После смерти матери в июле 1870 года Василий поступил под опеку старшего брата Николая. Здесь, в доме матери у Боровкова пруда, родилась розановская душа; здесь находился источник "творчества" Розанова - остальное было для него только "образованием". Отзвуки костромской жизни слышны в его автобиографических книгах: "Уединенное" (СПб. 1912), "Смертное" (СПб. 1913), "Опавшие листья" (СПб. 1913; Пг. 1915, 2 "короба"). Эти воспоминания, точно "касания перстами открытых ран", были зачем-то нужны ему, если он выносил их в печать. "Я вышел из мерзости запустения, и так и надо определять меня: выходец из мерзости запустения". Автобиографические страницы в "Русском Ниле" имеют свою жанровую условность ("фельетон для газеты"), но зная другие источники, биограф многое раскроет в недолгом, незаметном, но таком важном периоде жизни Розанова в Костроме.

"О мое страшное детство...

О мое печальное детство...

Почему я люблю тебя так и ты вечно стоишь передо мной...

"Больное-то дитя" и любишь..."

Но это - на закате дней.

Симбирск же был для Розанова "духовной" родиной. Свою отроческую жизнь здесь он описал ярко, с большой памятью о событиях и о тех тончайших движениях, какие обнаруживает душа, когда у нее "растут крылья". Биография Розанова стоит на "трех китах", на трех сваях. Это его три родины: "физическая" (Кострома), "духовная" (Симбирск) и, позднее, "нравственная" (Елец).

Следующая волжская стоянка путешественника Розанова была непродолжи-

тельной. Он мало говорит о ней. А рассказать ему было что. В Нижнем Новгороде он закончил гимназический курс и навсегда покинул берега "русского Нила". Гимназические годы В. Розанова прошли под "знаменем" Белинского. Пафос Белинского вызывал в юных душах безудержное стремление к знаниям. И Розанов приступает к широкому освоению культуры; он занимается практически всем: от естествознания до богословия. "Компиляция всегда составляла любимую форму, в которой с гимназических лет выражалась моя усидчивость и прилежность,- писал он в 1914 году.- Начавшись в III-м классе компедированием "Физиологических писем" Карла Фохта, она в V-VI-м классах выразилась в собрании обширных хронологических таблиц, и подборе матерьяла для этих таблиц, для чего я перечитывал книги по истории наук, истории живописи и проч. Матерьялы эти, тогда же собранные, были весьма обширны. Меня занимала мысль уловить в хронологические данные все море человеческой мысли, преимущественнее, чем искусства и литературы,- дав параллельно даты только важнейших политических событий. Вообще история наук, история ума человеческого всегда мне представлялась самым великолепным зрелищем" (ЦГАЛИ, ф. 419, оп. 1 ед. хр. 224 л. 213).

Приобретенные еще в гимназические годы разнообразные сведения стали основой той энциклопедической эрудированности, что окажется впоследствии важнейшей компонентой розановского интеллектуального мира, которому присущи и блистательные аллюзии с историческими понятиями, и причудливые манипуляции символами мировой культуры. Свобода, которую он проявляет в "мировом хозяйстве" (хотя она и не исключает исторической точности и конкретности соотнесения с наличной данностью, столь им уважавшейся),- одно из замечательных свойств его гения.

С берегов Волги Розанов увез не только обширные познания, но и не менее ценное наследие: реализм мирозерцания и глубокую демократичность. Страницы "Русского Нила", как, наверное, ни одно из его произведений, делают очевидными эти черты его личности. Присутствие Розанова в веке XX может показаться случайным - и от этого происходят многие парадоксы розановской биографии: его вкусы и пристрастия скорее относятся к XIX столетию. Это видно уже по тому набору литературных тем, проблем и персоналий, которые вошли в его неизданный сборник статей "О писателях и писательстве": здесь - вся русская литература "от Пушкина до Чехова". Поэтов и писателей XX века Розанов мало жаловал: его критика Блока, Леонида Андреева, Бальмонта и других иной раз напоминает скорее "порку розгами", нежели литературный разбор. "Новых писателей, "молодых", Розанов почти не читал и был к ним равнодушен,- свидетельствует его друг Э. Голлербах.- Однажды принес из кабинета в столовую целую кипу книг Врюсова и, положив передо мной, сказал: "Ну-ка покажите, что тут есть хорошего - вы знаете в этом толк, я ничего не понимаю"". Достаточно назвать его отповедь Ю. Айхенвальду (см.: "Споры около имени Белинского" - "Новое время", 27 июня 1914 года), который "покусился" на имя Белинского, чтобы увидеть в Розанове старинного и преданного ученика "великого критика". И надо перечитать все статьи, "опавшие листья" и "попутные заметки" о Некрасове, прочитать его статью "Юбилейное издание Добролюбова" (иллюстрированное приложение к "Новому времени", 26 ноября 1911 года, стр. 10-11) - и перед нами встанет тот симбирский гимназист из "Русского Нила",

которому "свет" и "тьма" открылись в произведениях шестидесятников. И все это написано не сотрудником "Русского богатства" или "Современного мира" - журналов, хранивших "идеалы шестидесятых годов", но человеком с устойчивой репутацией реакционера, мистика, "нововременца" и всего того, что сопровождает его имя в энциклопедических статьях и аннотированных указателях имен. Такой сочетаемости противоположностей у Розанова удивлялись и его современники. "Он совмещает в себе,-писал безымянный обозреватель,-точно два лица, говорящих на двух различных языках" ("Раздваивающийся писатель" - "Вестник Европы", 1897, сент., стр. 422).

Розанов стал "отрицательным героем" на подмостках новейшей русской истории: с его идеями полемизировали левые и правые, декаденты и "церковники". Эта роль "антигероя" оказалась настолько прочной, что даже сегодня, на чуть ли не вековом расстоянии от тех живых событий, когда формировались политические критерии, она осталась почти без переоценки. И для того чтобы ввести Розанова в современную культуру, недостаточно только ослабить всевидящий идеологический контроль - необходимо перевести отношение к нему в иную плоскость. Розанов один из русских писателей, счастливо познавших любовь читателей, неколебимую их преданность. Уразуметь корни этой любви - быть может, главное условие для понимания его наследия.

В литературу Розанов вошел уже сформировавшейся личностью. Его более чем тридцатилетний путь в литературе (1886-1918) был непрерывным и постепенным разворачиванием таланта и выявлением гения. Розанов менял темы, менял даже проблематику, но личность творца оставалась неуязвимой.

Условия его жизни (а они были не легче, чем у его знаменитого волжского земляка Максима Горького), нигилистическое воспитание и страстное юношеское желание общественного служения готовили Розанову путь деятеля демократической направленности. По своему темпераменту он должен был стать одним из выразителей социального протеста. Однако юношеский "переворот" изменил его биографию коренным образом, и Розанов обрел свое историческое лицо в других духовных областях.

Рано обнаружившееся философское призвание еще на гимназической скамье включило Розанова в круг тех проблем, которые связаны с популярными в 60-е годы позитивизмом и утилитаризмом Дж. Милля, К. Фохта и других кумиров демократической части русского общества. Тогда у Розанова (IV класс) уже сформулировался этический идеал: "цель человеческой жизни есть счастье". Розанов самостоятельно обосновал эту аксиому, но в его построение включался негативный элемент - безнравственное. Дисгармония цели и условий, сопутствующих ее достижению, разваливала логику "системы", и мысль Розанова оказалась как бы парализована. "Это был первый зародыш всего моего последующего умственного развития, или, точнее, первая формуловка того, что возникло во мне как-то невольно и бессознательно,- писал он своему биографу Я. Н. Колубовскому.- Но я помню ясно, что начиная с этого времени, и чем далее, тем упорнее, я думал об одной этой идее до 3-го курса университета <...>. Логическое совершенство этой идеи было полно, но я не был только ее теоретиком. Будучи убежден в ее верховной истинности, я и свой внутренний мир, и свою внешнюю деятельность стал мало-помалу приводить в соответствие с нею. <...> Вследствие практических попыток осуществить ее и вследствие постоянного анализа своей

души и своей деятельности, в 22-23 года я стоял перед этой идеей, как очарованный, бессильный оторваться от нее и бессильный далее следовать за нею <...>" (автобиография В. В. Розанова (письмо В. В. Розанова Я. Н. Колубовскому) - "Русский труд", 16 октября 1899 года, стр. 26).

Но вот "волжская" биография была как бы оставлена им на берегах реки, его вскормившей, и с Московского университета (1878-1882) стал он плести другую нить своей жизни. Переход к созерцательному мировосприятию сразу же дал свои первые результаты: ему открывается понятие Бога. "К Богу" меня нечего было "приводить": со 2-го (или 1-го?) курса университета не то чтобы я чувствовал Его, но чувство присутствия около себя Его - никогда меня не оставляло, не прерывалось хоть бы на час" ("Опавшие листья. Короб второй". 1915, стр. 319). Но Бог Розанова особый. "Свой Бог" Розанова" - так подчас определяли его конфессиональную проблему. Действительно: "Авраама призвал Бог: а я сам призвал Бога..." - это и "воспоминание" Розанова и самоопределение ("Уединенное"). "Богостроительство" Розанова - отдельная страница его творческой биографии, требующая самого тонкого анализа розановской души. Ошибка здесь может привести к полному непониманию Розанова и его творческого пафоса - а ошибиться очень легко, так как Розанов сам вольно или невольно оставлял много "ложных следов".

Так или иначе, переворот действительно совершился: изменилось и существо его творческой деятельности, которая отныне все больше и больше подчиняется наличной реальности и приобретает отчетливый "пассивный" характер. Эта "пассивность" проявилась главным образом в присущем Розанову комментаторстве гениальном, оригинальнейшем комментаторстве. За исключением немногих книг ("Уединенное", "Опавшие листья", "Апокалипсис нашего времени") необъятное наследие Розанова, как правило, написано по поводу каких-либо явлений, событий. Это видно явственно.

Идейный переворот, пережитый Розановым в студенческие годы, создал как бы развилку сознания, которую он так и не преодолел в себе до конца жизни. Отсюда, думается, вытекает чудовищная розановская антиномичность сознания. В культуре это явление беспрецедентное. Антиномии Розанова возникли из действительности его чувствования и внутреннего пафоса. Так, его открытая религиозность прорывается иногда буйным атеизмом. Розановской свободе, отличающейся нетерпимостью ко всякому авторитаризму, сопутствует внутренний детерминизм. Его социальный анархизм часто переходит в сугубую государственность. Почти натуралистическое признание наличного бытия сочетается с полным игнорированием фактов, доходящим иногда до мифологических пределов. Постоянная борьба с "позитивностью" современного века соседствует с глубоко спрятанным позитивизмом сознания. Внешне он, казалось, не тяготился этим, даже гордился:

"На предмет надо иметь именно 1000 точек зрения. Это "координаты действительности", и действительность только через 1000 и улавливается". Такая "теория познания" действительно демонстрировала необычайные возможности специфически его, розановского, видения мира. Однако она же порождала немало внутренних трудностей, которые ему пришлось пережить. Двуликость, расщепленность сознания и усиленная рефлексия привели Розанова к глубокой жизненной драме, которую он стал осмысливать только на исходе своих дней. Драма эта

заклучалась во все большей и большей потере чувства действительности и, как следствие, в фатальной обреченности на неучастие в ней. "Странник, вечный странник и везде только странник". Это были его сухие слезы.

"Ни одно мое намерение в жизни не было исполнено, а исполнялось, делалось мною, с жаром, с пламенем — мне вовсе не нужное, не предполагаемое и почти не хотимое, или вяло хотимое".

Жар и пламень сопровождали Розанова всегда. Начиная свою творческую биографию как философ. Первая его большая работа - классический философский труд "О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания" (М. 1886). Книга в сорок печатных листов, по словам самого Розанова, была "посвящена рассмотрению ума человеческого и устройству, расположению системы наук, реальных и возможных (потенциально в уме заложенных)" (В. Розанов, "Злое легкомыслие" - "Новое время", 24 марта 1904 года). Книга прошла незамеченной, что было воспринято ее автором как полная неудача, и после трехлетнего "онемения" (до 1889 года Розанов ничего не печатал) он навсегда оставил "классическую" форму философствования. Случайное знакомство с Н. Н. Страховым и С. А. Рачинским открыло Розанову путь в журналы консервативного направления, и в 90-е годы XIX века он целиком уходит в публицистику. "Огненная встреча" с К. Н. Леонтьевым (май - ноябрь 1891 года) обострила розановские консервативные идеи до ультраправых пределов.

Однако настоящей темой Розанова, открывшей новую эпоху его творчества, стала тема пола. Этот третий период выявляет наконец оригинальный розановский подход к действительности, но в то же время оказывается осложнен как перипетиями биографии Розанова, так и исторической ситуацией в России. Он мог еще быть "глухим" к "событиям на улице", но "боль биографии" никогда не оставляла его равнодушным. А тема пола теснейшим образом связана с его биографией.

После неудачного брака с А. П. Сусловой, известной также и по биографии Ф. М. Достоевского (Суслова оставила Розанова без развода, что в условиях тогдашнего положения о браке было непреодолимым препятствием новой женьтбе), Розанов вступил в "незаконный" брак (скрепленный тайным венчанием). Жена оказалась на положении любовницы, а пять человек детей - незаконнорожденными. Драматическую ситуацию семьи Розанов "увидел" в 1896- 1898 годах, когда он начал понимать, что может оставить детей сиротами, а жену без права на какую-либо социальную помощь. "Таким образом,- писал он А. А. Александрову, счастье и страдание мое личное удивительно замешалось в эту тему". Поводом его обращения к теме пола оказалось письмо в газету одной женщины в связи со съездом сифилитологов. Розанов начал писать Комментарий к Письму одной женщины. "И вот комментарий к Письму женщины стал переходить в несчастье, в исследование самой женщины. Тут открылась тема пола: и едва я подошел к ней, как увидел, что, в сущности, все тайны тайн связаны тут в узел. Если когда-нибудь будет разгадана тайна бытия мироздания, если вообще она разгадываема - она может быть разгадана только здесь. Вообще - никто и ничего об этом не знает, кроме того, что это есть как факт: полный эмпиризм, над которым я захотел поднять лампу. "Дальше в лес - больше дров" - и я Вам объясню только, что в обширное исследование, насколько уже оно написалось, введена

разгадка Гоголя - в его психике, Лермонтова ("демонизм" его), Достоевского, Толстого; и затем Платона, коего "Федр" и "Пир" мною комментированы, как "Легенда об Инквизиторе"; до сего доведена моя работа, перевалившая за 320-ю страницу моего обычного письма, когда я бросил ее, чтобы перейти к фельетонам для "хлеба насущного"; в дальнейшем плане она обнимет - в самом кратком замечании Пифагореизм, подробнее Элевзинские таинства; очень подробно - Сиро-финикийские культы и Египетские секреты. Затем восход - к Библии и, наконец. Предвечному Слову, распятому на кресте. Дело все в том, что, как я открыл без всякого труда через исследование своих родных писателей - Гог<оля>, Лер<монтова>, Дост<оевского>, Толст<ого> - половое чувство как-то связано с религиозным мистицизмом. Это какая-то таинственная ли жизненность, в меня влитая, или прямо Перст Божий: но я догадался, что узел этого-в младенце, который правда "с того света приходит", "от Бога его душа ниспадает"; и дело в том, что пол, о коем мы ничего не постигаем, есть в самом деле как бы частица "того света" (письмо Розанова А. А. Александрову [январь 1898 г.]. - ЦГАЛИ, ф. 2, оп. 2, ед. хр. 15, л. 65-68).

В этих планах заключается вся последующая мысль Розанова, ставшая основанием его будущих сочинений. Именно здесь, в "теме пола", раскрылась природа естественных целей, к которым он обратился в студенческие годы, отказавшись от "искусственных целей", от своего утопического сознания. Тема была найдена, и его "жар и пламень" целиком были отданы, семье и браку, разводу и проблеме незаконнорожденных детей. Розанов весь погрузился в культуру семитского Востока, ветхозаветных преданий и в египетскую культуру. Отсюда, с увлечения "египетскими секретами", начали развиваться в скрытом виде его антихристианские идеи. Консервативный ригоризм 90-х годов стал смягчаться, появилась терпимость к "иноверию", выявились интересы к сектантству и т. д. К этому же времени относится и знакомство с "декадентами" (Д. С. Мережковским, З. Н. Гиппиус, Д. В. Filosoфовым), собственно, извлекшими Розанова из литературного захолустья, в которое к началу XX века превратилась консервативная печать. Начинает расти его слава как одного из первых "законодателей духа".

Усилия Розанова, направленные на утверждение в обществе культа семьи, который мог бы, по его мнению, обновить разрушающийся современный мир, сопровождались многими трудами. Были опубликованы книги: "В мире неясного и нерешенного" (СПб. 1901; изд. 2-е. 1904), "Семейный вопрос в России" (СПб. 1903, тт. 1-2). Остались неопубликованными "История семьи в России", некоторые книги по смежным проблемам, касающимся темы пола и "религии семьи". Социологи должны обратить внимание на это богатое наследие писателя, одного из самых ревностных строителей русской семьи. Но как и при жизни Розанова, когда общество было всецело занято "глобальными проблемами", так, судя по всему, и сейчас разгадку Розанова пытаются найти в иных темах. Тогда как главный нерв творчества Розанова - семья.

Реализация творческого гения у Розанова всегда была связана с его личностью. Он насквозь проживал свои темы. Розанов неотделим от своей "литературы", а "литература" его неотделима от тех тем и проблем, которыми он бывал захвачен. Особенной "плотностью отношений" Розанова и темы отличается его встреча с культурой семитского Востока.

Розанову не только открывались картины ветхозаветной жизни - он идентифицировал себя с древним иудеем и обладал вполне "ветхозаветными" качествами. Проникновение в душу древнего иудея родило целый ряд превосходных работ по психологии и быту ветхозаветной жизни (см. "Юдаизм" - "Новый путь", 1903, № 7-12; "Чувство солнца и растений у древних евреев" - "Новый путь", 1903, № 3; и др.). Страстность, нетерпимость к иноверию, непоколебимая уверенность в себе и своем деле, любовь к Богу - вот психология Розанова. Надо снова прочесть его "Ответ г. Владимиру Соловьеву" ("Русский вестник", 1894. апрель) или же "По поводу одной тревоги графа Л. Н. Толстого" ("Русский вестник", 1895, № 8) и другие статьи 90-х годов, чтобы убедиться в том, что перед нами человек с ветхозаветной нетерпимостью, ветхозаветный русский. Если же, кроме этого, мы учтем "богостроительство" "своего Бога" у Розанова, то в целом мы смогли бы быть свидетелями того, как образ священной истории Израиля рождается в истории личности Розанова. "История сливается с лицом человека. Лицо человека поднимается до исторического в себе смысла".

Однако когда он занимался проблемами брака и развода, он заботился о русской семье, в педагогических темах его "Сумерек просвещения" он решал проблемы русской школы, а в своих литературных штудиях он занимался почти исключительно русскими писателями. Ветхозаветный Израиль и Египет были нужны ему как мировые высоты, с вершин которых он мог оценивать русские идеалы. Это была его "вселенская истина", и она не допускала к Розанову "национализма". Даже в таком сложном политическом событии, которое потрясло русскую жизнь, так называемом деле Бейлиса, Розанов был "чист", несмотря на крайние его увлечения. Рассматривая "дело Бейлиса" и участие в нем Розанова, можно было бы извлечь из него (для исследования) и некое "дело Розанова". Розанов в круговороте событий отстаивал себя и свое, преданность завету, заключенному со своим Богом, хотя политически в тот момент им легко было "воспользоваться". Важно понять, что и так называемое юдофильство и так называемое юдофобство Розанова росли из одного корня - из невозможности для него находиться на либерально-гуманистической поверхности при истолковании вещей, которые он чувствовал как сакральные, идущие из глубины мировой истории, роковые; невозможности удовлетворяться формально юридическими подходами современной ему позитивистской эпохи.

Если бы Розанов нарушил этот "завет", то после 1911 года мы, возможно, увидели бы закат Розанова, полный конец его в культуре. Но, отстояв себя, Розанов уже после события отказался от сочинений по "делу Бейлиса" (нераспроданный тираж своей книги "Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови" приказал ликвидировать. Это - на 2 тысячи рублей). И свои выступления он признал ошибкой. Это было в 1917 году (до октябрьских событий). И вот теперь Розанов с еще большей силой и уверенностью отстаивает преданность завету со своим Богом, открыто выступив против Христа. Он следовал неукоснительно путями законников и фарисеев и так же слепо "распинал Христа". Это была последняя страница его "ветхозаветной истории". Преданность Розанова своему пути была беспримерной. Она напоминает фанатизм законника Савла. И возможно, что Розанову могла бы быть уготована участь обращения Савла в Павла. Линия его религиозного возрастания была столбовой, а события в России только начинались. Почти с уверенностью можно заявить, что проживи он пять

- десять лет, и ему пришлось бы разделить мученический конец с миллионами своих соотечественников. И неизвестно, какое сердце увидели бы его последние свидетели. Шло "лихолетье на Руси", и Розанов физически его не перенес в самом начале. "Черные воды Стикса прорвали последние заслоны и затопили его сердце".

Это было 5 февраля 1919 года по новому стилю, когда ему было шестьдесят три года и девять месяцев с небольшим.

"Русским Нилом"¹ мне хочется назвать нашу Волгу. Что такое Нил - не в географическом и физическом своем значении, а в том другом и более глубоком, какое ему придал живший по берегам его человек? "Великая, священная река", подобно тому, как мы говорим "святая Русь" в применении тоже к физическому очерку страны и народа. Нил, однако, звался "священным" не за одни священные предания, связанные с ним и приуроченные к городам, расположенным на нем, а за это огромное тело своих вод, периодически выступавших из берегов и оплодотворявших всю страну. Но и Волга наша издревле получила прозвание "кормилицы". "Кормилица-Волга"... Кроме этого названия, она носит другое и еще более священное - матери: "матушка-Волга"... Так почувствовал ее народ в отношении к своему собирательному, множественному, умирающему и рождающемуся существу. "Мы рождаемся и умираем, как мухи, а она, матушка, все стоит (течет)"-так определил смертный и кратковременный человек свое отношение к ней, как к чему-то вечному и бессмертному, как к вечно сущему а живому, тельному условию своего бытия и своей работы. "Мы-дети ее; кормимся ею. Она-наша матушка и кормилица". Что-то неизмеримое, вечное, питающее...

Много священного и чего-то хозяйственного. И "кормилицей", и "матушкой" народ наш зовет великую реку за то, что она родит из себя какое-то неизмеримое хозяйство, в котором есть приложение и полуслепому 80-летнему старику, чинящему невод, и богачу, ведущему многомиллионные обороты; и все это "хозяйство" связано и развязано, обобщено одним духом и одною питающею влагою вот этого тела "Волги", и вместе бесконечно разнообразно, свободно, то тихо, задумчиво, то шумно и хлопотливо, смотря по индивидуальности участвующих в "хозяйстве" лип и по избранной в этом хозяйстве отрасли. И вот наш народ, все условия работы которого так тяжки по физической природе страны и климату и который так беден, назвал с неизмеримою благодарностью великую реку священными именами за ту помощь в работе, какую она дает ему, и за те неисчислимые источники пропитания, какие она открыла ему в разнообразных промыслах, с нею связанных. И "матушка" она, и "кормилица" она потому, что открыла для человеческого труда неизмеримое поприще, все двинув собою, и как-то благородно двинув, мягко, неторопливо, непринужденно, неповелительно. В этом ее колорит.

Все на Волге мягко, широко, хорошо. Века тянулись как мгла, и вот оживала одна деревенька, шевельнулось село; там один промысел, здесь - другой. Всех поманила Волга обещанием прибýtка, обещанием лучшего быта, лучшего хозяйства, нарядного домика, хорошо разработанного огородика. И за этот-то мягкий, благородный колорит воздействия народ ей и придал эпитеты чего-то родного, а не властительного, не господского. И фабрика дает "источники" пропитания, "приложение" труду. Дают его копи, каменные пласты. Но как?!